

Из воспоминаний Ковалевского Александра Францевича.

Родился я 7 марта 1930 года в селе Новомарьинке. Это на границе нынешней Кемеровской области с Красноярским краем, где-то посредине станций Боготол и Тяжин. Откуда и когда приехали мои деды в Сибирь мне не ведомо. Мать моя родилась в 1903 году уже в Сибири, по национальности она была латгалка, а отец поляк. Когда-то до революции при Столыпинской реформе, а может быть и раньше их семьи перебрались в Сибирь и таким образом они, а потом естественно и мы стали сибиряками. Эта деревня сплошь состояла из таких же переселенцев. Там даже улицы назывались по названию мест приезда переселенцев. Одна улица звалась Полянщина, вторая Минщина, была Смоленщина. Где-то вперемежку жили латыши. Правда одна улица носила странное название: «Почановка».

Вначале до 18 лет я жил в латышской семье. Мать с отцом довольно рано разошлись, и я отца практически не помню. Бытовой язык в семье был латышский. По записи в паспорте я русский. Когда пришла пора получать паспорт, я подумал: латышский язык я забыл, польского вообще не знал. Так кто я? И хотя генетически во мне нет ни капли русской крови, но воспитался то я на русской культуре, на русском языке, поэтому и стал русским...

В 1948 году я уехал в Томск и поступил учиться на геологоразведочный факультет Томского политехнического университета по специальности «Геофизические методы разведки». После окончания института был оставлен на преподавательскую работу в промышленном техникуме, где и преподавал до 57 года. Потом перевёлся в СФТИ, поступил в аспирантуру, защитился и работал то в ТГУ, то в СФТИ. Позднее пригласили заведовать кафедрой физики Педагогического института, где и проработал 4 года. Отработав в педагогическом, вновь вернулся в университет и стал работать в лаборатории электромагнитной биологии. Основным направлением моей научной работы стало изучение воздействия электромагнитных полей на живые системы.

Отличительной особенностью моей работы было то, что все они были связаны с многочисленными командировками в Москву, в Ленинград, в другие города. Одним словом, пришлось многое посмотреть и своими глазами видеть, выражаясь словами Гамлета, что далеко не все ладно в нашем государстве. Ну и попытки разобраться в причинах этого, конечно, неизбежно привели к чтению так называемого самиздата.

Конечно, политическим деятелем никаким я не собирался быть и цель свержения существующего строя перед собой не ставил. Просто мне хотелось, как человеку, связанному с наукой, выяснить для себя, в чём причины наших многих неудач.

Как сейчас помню, первое, что я прочёл из самиздата, была стенограмма процесса по делу поэта Иосифа Бродского. Помню, что, прочитав эту стенограмму, я был просто потрясён хамским отношением суда к подсудимому. Тогда, естественно, мы и не предполагали, что Бродский станет Нобелевским лауреатом. На процессе он расценивался как какой-то тунеядец, не желающий работать, меняющий часто места своей работы...

Потом настоящим потрясением для меня стало знакомство с фотокопией работы Авторханова «Технология власти». Чтение этой работы просто потрясло меня и на многое открыло глаза. Потом читал многое, все, что удавалось достать: «Архипелаг ГУЛАГ», «Мои показания» Марченко, работу Льва

Копелева «Хранить вечно» и другие. Читая эти работы, я не ставил перед собой никаких практических задач в области политики. Прочитанным, конечно, делился. Часто делился с В.Г. Фастом, сотрудником ТГУ. Но скорее я от него больше получал, чем он от меня. Делился своими мыслями после прочитанного с судебным экспертом Анатолием Чернышовым. Конечно круг знакомых, с кем я делился своими мыслями от прочитанного, был весьма ограниченным, так как я понимал, что я читаю литературу, которая не приветствуется и осуждается властью. Однако большого криминала в этом я не видел, так как не распространял среди своих знакомых и сослуживцев той информации и тех мыслей, которые находил в прочитанном и не собирался делать этого в будущем, поэтому совсем не ожидал, что за это могут серьезно покарать и к этому не готовился, но это неизбежно случилось...

В 1982 году в одно раннее утро в 6 часов утра стук в дверь. Мы как раз ожидали приезда сына, и поэтому жена даже не спросила, кто стучит. В квартиру втиснулось сразу человек 7, показали красную книжечку, ордер на обыск и приступили к своей работе. Главным объектом их внимания стала моя библиотека, которая и тогда уже была приличная. И вот эти товарищи в штатском с раннего утра до 11 часов вечера перелистывали каждую книжку, перебирали каждую бумажку. Кое-что заслуживающее их внимания нашли. В частности, изъяли работу Зиновьева «Коммунизм как реальность». Помню, на обложке этой книжки были изображены две крысы, которые одной лапой держали друг друга за горло, но зато другие их лапки были в жарком рукопожатии: так сказать алгоритм отношений в коммунистическом обществе. Эта их находка страшно взбесила: дескать, какой негодяй, какие пакостные книжки имеет. Изъяли ещё какие-то мелкие работы. Как ни странно, забрали евангелие от Иоанна. Долго копались в сочинениях Сталина, пытаюсь установить, есть ли в его сочинениях мои какие-то подчёркивания или пометки.

Сделав обыск и изъяв некоторые книги, они ушли без меня, т.е. я тогда арестован не был, как это произошло с Чернышовым и Кенделем, проходившим со мной по одному делу. Меня арестовали примерно через неделю после обыска. Как обычно утром я шёл на работу, подходил к анатомке, вдруг от стены её отделяются два человека: «Александр Францевич, милости просим». Посадили в Волгу, сами сели по бокам, и поехали. До суда я 6 месяцев находился в следственном изоляторе вместе с уголовниками. Это и понятно, кроме меня с такой статьёй и не было никого. Два дня карантинная камера, где из обстановки всего одна железная без матраса кровать. ... После карантина – общая камера на 5 человек, хотя численность в ней постоянно менялась от двух человек до 7.

Мытарство в камере. Пытался изменить порядки в камере, т. к. отказывался от обираловки соседей. Подозрения в стукачестве и т. д. Естественно, пока шло следствие, шли постоянно допросы, всего было 32 допроса. Следователь один и тот же - капитан КГБ, некий Александр Дмитриевич Сергеев. Основной мотив всех его вопросов - у кого я брал книги для чтения, кому сам давал читать. Несколько фамилий мне пришлось назвать, набралось таких фамилий человек 6-7. Следует сказать, что никакого битья, даже оскорбления при допросах не было, но иногда звучали такие фразы типа «Мы можем к вам применить не 190 прим, а 70 статью пустить». А это была гораздо более суровая статья, по которой нередко давали 7 лет лагерей.

Главный пункт обвинения - распространение клеветнических измышлений на существующий строй. Инкриминировали мне чтение и распространение книги

«Архипелаг ГУЛАГ», причём при этом не было сделано ни одной попытки исследования, где там клевета. Просто у судьи был список книг, которые считались клеветническими, и судья этим списком руководствовался. Я понял, что они даже сами этих книг не читали. Так, например, работу М. Булгакова «Собачье сердце» они почему-то называли не иначе как «Собачья радость».

Судьёй был Антон Норбертович Вайвод, причем поразительно, что у него у самого отец, кажется, был репрессирован в 30-е годы. Порой доходило до анекдота. Так, например, прокурор Попырин, усмотрев какую-то клевету в книге Зиновьева, и процитировав из неё какие-то слова, воскликнул: «Какая же это клевета! Автор этой книжонки утверждает о том, что коммунизм не дает прогресса, а вы посмотрите, как наша улица Розы Люксембург в последнее время быстро асфальтируется... а вы говорите, что у нас прогресса нет...»

Получил я с Кенделем по полтора года заключения, а вот Чернышову дали три с половиной года лагерей. Почему вышла такая разница в приговорах? Очевидно, во-первых в том, что я признал себя виновным в том, что давал запрещённую литературу читать другим. Конечно, в настоящее время не считаю, что это был мой правильный шаг, но тогда я поступил так как поступил. Перед моими глазами всегда стояла семья, трое детей малолетних и я себе отчётливо представлял их судьбу, если я надолго сяду...

Анатолий Чернышов не признал себя виновным, а главное - он был из их системы, чего они простить ему не могли. Это дело показало и бездушие судебных чиновников. Анатолий был инвалид, сам нуждался в уходе, а они ему, приписав незаконный промысел (якобы брал деньги за предоставленные фотокопии книг) подвели также под статью, по которой конфисковали его кооперативную квартиру. Причём судью тогда не смутило то обстоятельство, что по существовавшим тогда законам кооперативная квартира никак не подлежала конфискации. Выйдя на свободу, он потом долго ещё добивался возвращения этой квартиры...

Получив свои полтора года, в лагере я отбыл не так уж и много. Засчитали полгода сидения в следственном изоляторе во время следствия, потом также 5 месяцев ждал в следственном изоляторе ответа на кассационную жалобу, поданную кем-то из моих однодельцев. Одним словом, в тюрьме я просидел ровно 1 год и одну неделю. А потом меня отправили в лагерь, что находился в соседнем городе Асино.

В 1983 году я вышел из лагеря и не мог нигде устроиться на работу по специальности. Вначале я ходил по институтам и хотел устроиться преподавателем, но везде получал неизменный ответ о том, что якобы нет вакансий, хотя я точно знал, что эти вакансии в ряде институтов были. На научную работу меня не брали на том основании, что большинство тем тогда по физике были закрытыми и я, естественно, к этим темам не мог получить допуск. Пять лет перебивался случайными заработками, имея в кармане диплом кандидата наук, работал в одной из автобаз слесарем, крыл какие-то крыши, чем только не занимался... Потом, в конце концов, отчаявшись найти работу по специальности, я написал письмо в местное КГБ. В письме написал, что мне везде отказывают в должности преподавателя физики или математики, поэтому прошу мне прямо ответить: могу ли я получить допуск для работы в научном учреждении. В конце письма добавил, что в противном случае буду вынужден по-другому устраивать свою судьбу. Вот такое письмо с тонким намёком на возможность моей эмиграции за границу.

Это уже были времена, когда в стране начало что-то меняться, шёл 88 год, шли определённые подвижки в общественной жизни. Вскоре получаю приглашение прийти в управление КГБ. Прихожу, и тут начинается спектакль. Вежливость до неприличия, а потом как бы недоумённый вопрос: «Александр Францевич, а почему Вы не хотите работать по специальности?» Я им в ответ: «Как не хочу: Я хочу, но не берут». Вновь вопрос: «Почему не берут? Вот бюрократы!» Говорю, что на научную работу не берут, так как допуска нет, а на преподавательскую не берут, дескать, моральный облик мой не позволяет... Этот человек вновь с вопросом - восклицанием: «Вот бюрократы! А куда Вы обращались?» Я называю целый ряд учреждений, он тут же начинает звонить, вернее, делать вид, что звонит, так как телефон почему - то не соединяется. Итак, несколько раз. В конце концов, я называю ТИСИ. Там в это время работала моя жена, и я точно знал, что там есть вакантное место доцента. Тут же этот полковник, а может подполковник, запомнил, звонит туда, но опять не дозванивается. Заканчивая эту встречу, обещает моим делом с трудоустройством заняться. На этом и распрощались.

Надо сказать, что за месяц до этого моего визита в КГБ я подал заявление в ТИСИ на кафедру математики, месяц этот прошёл без всякого ответа. А тут вскоре после своего похода в КГБ через мою жену передают, чтобы я срочно зашёл в отдел кадров института. Прихожу, а на моём заявлении уже стоит штук десять разных резолюций. Формулировки этих резолюций были самые различные, но последняя решающая запись ректора гласила о том, что он согласен принять меня на работу на должность и.о. доцента с годичным испытательным сроком.

Устраиваюсь я работать и работаю все в этой же должности и. о. 3 года. Год проходит, испытательный срок для меня продлевают на следующий срок, и я опять работаю, хотя о каких - то жалобах или нареканиях по работе с моей стороны даже разговора не возникало.

Подходит 1991 год. Меня как обычно включают в состав летней приемной комиссии. Это означало, что работа в летней комиссии потом включается в педагогическую нагрузку следующего учебного года. Из этого выходило, что, включив меня в состав приемной комиссии, я автоматически оставался работать в институте ещё на год. Подходят к концу экзамены, я спокоен. И вдруг как с ясного неба гром известие о том, что я в связи с сокращениями в институте и с достижением пенсионного возраста подлежу увольнению из института. Я не могу ничего понять, в чем дело: как выяснил, никакого сокращения штатов в институте не произошло, но я был неожиданно уволен.

Я долго думал о причинах моего внезапного увольнения из института и по крайней мере для себя пришёл к выводу, что моё увольнение было продиктовано соображениями обеспечения собственной безопасности со стороны ректора института. К такому выводу меня натолкнули следующие соображения. Получил сообщение об увольнении я буквально перед августовскими событиями 1991 года в стране – попыткой путча и захвата власти и отстранения от власти Горбачёва. Похоже, ректор института, имея многолетние давние связи в обкоме партии, был человеком опытным в политических играх и умел улавливать политические настроения, решил от меня заранее избавиться, чтобы потом в случае смены власти не получать лишние упреки в лояльности к сомнительным личностям... В этом выводе меня потом укрепил такой случай. Когда путч провалился, партия была запрещена, демократы праздновали победу, уже осенью я вновь неожиданно получил предложение вновь вернуться

на кафедру. Дескать, и годы здесь ни причём, и сокращения кадров нет... Я не вернулся, так как имел свою гордость, да и настроился уже на жизнь пенсионера.

У меня 3 дочери и сын. Сын работает в НИИ Физики прочности. Есть внук Антон. Я хочу, чтобы мать его дала ему мою фамилию.

Записал В.А.Ханевич